
Поколенческая ситуация: уехать или остаться? (на материалах биографического исследования в северной глубинке)

В.И. ИЛЬИН*

***Владимир Иванович Ильин** – доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; Сыктывкарский государственный университет, Сыктывкар, Россия, ivi-2002@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3658-8112>

Цитирование: Ильин В.И. (2022) Поколенческая ситуация: уехать или остаться? (на материалах биографического исследования в северной глубинке) // Мир России. Т. 31. № 4. С. 6–32. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-4-6-32

Аннотация

Целью данной статьи является концептуализация категории поколенческой ситуации. Ее эмпирическая апробация проводится в ходе биографического исследования в глубинке старого Русского Севера. Ее главный вопрос: почему молодежь активно уезжает из мест, где предки жили веками? Необходимость такой концептуализации вытекает из ограничений категории поколения, определяемого в качестве возрастной когорты, которая сформировалась под влиянием общих исторических событий и процессов. Поколение является одним из многих факторов, формирующих локальную ситуацию (наряду с возрастом, слоем, профессией, гендером, типом населенного пункта и т. д.). В данном эмпирическом исследовании выявляется роль фактора поколения в ситуации принятия миграционного решения после завершения обучения в малых населенных пунктах Севера. В выборку вошли, с одной стороны, современные молодые жители малых населенных пунктов, а с другой – представители старших поколений, вспоминающие себя в биографическом интервью в ситуации жизненного перекрестка после школы. Как показало исследование, фактор поколения во многом объясняет различия в моделях миграционного поведения. Он формирует оптику, посредством которой оцениваются постоянные условия существования в родных местах, удерживающие людей на месте, выталкивающие

Исследование ведется в рамках «Угорского проекта» Сообщества профессиональных социологов и поддержано грантом РНФ, грант РНФ19-18-00562 «Социально-экологические детерминанты трансформации образа жизни и социального развития современных сельских сообществ в условиях депопуляции (на примере районов Ближнего Севера России)».

Статья опубликована в рамках проекта НИУ ВШЭ по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций «Университетское партнерство».

Статья поступила в редакцию в ноябре 2021 г.

или создающие эффект притяжения иных мест. Миграционные стратегии современной молодежи из малых населенных пунктов старого Русского Севера вытекают из специфической поколенческой ситуации, основными элементами которой являются формирование глобальной виртуальной реальности, общества потребления, новой трудовой этики; введение ЕГЭ; отмена разрешительной прописки и другие. Эти факторы порождают революцию притязаний, формирующую новую оптику, которая радикально меняет определение устойчивых факторов локальной ситуации (климата, условий труда и быта и т. д.) и стимулирует миграционные устремления.

Ключевые слова: *глубинка, депопуляция, жизненная колея, миграция, поколение, поколенческая ситуация, Русский Север, социальный серфинг*

Категория поколения как инструмент эмпирического исследования не имеет однозначного способа ее операционализации и корректируется, уточняется применительно к целям и задачам конкретного исследования. В нашем исследовании процессов опустынивания северной глубинки используется вспомогательная категория *поколенческой ситуации*. Она позволяет локализовать «поколение», обычно описываемое как возрастная когорта национального масштаба, до уровня индивидуальных поколенческих ситуаций жителей малых населенных пунктов старого Русского Севера¹. Люди разных поколений сравниваются в общей ситуации альтернативы уехать или остаться после окончания школы. Сравнение глубинных биографических интервью показывает, что одни и те же объективные факторы (климат, условия труда и быта) приобретают существенно разный смысл, будучи погруженными в контекст (дух) времени. То, что было удовлетворительным для молодежи 1960–1970-х гг., стало неприемлемым для поколения зуммеров, оказавшихся на том же жизненном перекрестке в конце второго десятилетия XXI в.

Северная глубинка как социальная проблема

Основная объяснительная модель социологии миграций состоит в том, что существует баланс объективных факторов (преимущественно экономических и политических) притяжения и выталкивания [Everett 1966], и сдвиг баланса в ту или иную сторону определяет направление миграции. Однако если посмотреть на миграцию в одном и том же регионе в контексте истории, то эта модель уже не кажется столь очевидной.

Веками притяжение старого Русского Севера превышало силы выталкивания. Здесь формировались условия социальной самореализации, которые были ограничены в других регионах страны; государство, заинтересованное в освоении Севера, привлекало сюда население и принуждением, и материальными стимулами. Однако постепенно баланс стал нарушаться, а в 1990-е гг. от него остались лишь

¹ Это издавна освоенные районы Европейского Севера, которые существенно отличаются от районов Крайнего Севера и районов, освоенных в более поздние периоды истории (см. историографический обзор категории в [Ильин 2019а]).

воспоминания. Жизнь на Севере, сохранив все обусловленные природой минусы, потеряла былые преимущества. В результате, с одной стороны, люди, чьи предки жили тут веками, начали уезжать в более благоприятные для жизни места, с другой – сюда почти перестали приезжать на заработки из других регионов, а те, кто когда-то приехал, стремятся уехать (см. [Ильин 2019а; Ильин 2019б; Ильин 2020]).

Выталкивает не только Север, но и его глубинка. Это слово широко распространено в обыденной речи, однако в науке не обрело статуса категории. Возникает парадокс: социальный феномен есть, проблема есть, а категории нет. В данном исследовании «глубинка» понимается как часть социализированного географического пространства, мимо которой проходят потоки основных социальных ресурсов (финансовых, материальных, информационных, человеческих), что порождает застойный, а нередко и деградирующий образ жизни; «глубинка» – это малые населенные пункты², удаленные от центров экономической, культурной и административно-политической жизни [Ильин 2010; Ильин 2012]. В результате возникает наложение друг на друга двух зон социального выталкивания – Севера и глубинки. Вследствие такой реконфигурации социального пространства России в северной глубинке образуется зона социального опустынивания, когда пустеют малые населенные пункты, свертывается экономическая деятельность, деградирует социальная и транспортная инфраструктура. При этом нередко трудно отделить причину от следствия.

Баланс факторов выталкивания, удержания и притяжения не сводится к социально-экономической ситуации: в различные исторические эпохи одни и те же факторы действуют по-разному. Основная объяснительная гипотеза состоит в том, что баланс факторов действует через призму поколения, которое локализуется, сегментируется в плоскости не только времени, но и пространства.

Категория поколения

Категория поколения, с одной стороны, пользуется большой популярностью и в науке, и в публицистике, и в литературе. С другой стороны, ее содержание и смысл далеки от однозначности, что в существенной мере связано с масштабом объектов, к которым она применяется [Дубин 2002; Семенова 2001; Семенова 2005]. К. Фостер пишет: «<...> поиск научного определения “поколения” похож на попытку удержать горсть песка: чем сильнее сжимаешь крошечные песчинки, тем больше они сопротивляются, ускользая сквозь пальцы». Исследователи решают проблему расплывчатости категории поколения двояким путем: либо понимая его фактически как синоним «когорты», либо разрабатывают более точное рабочее определение [Foster 2013, p. 11]. Эти методологические проблемы являются причиной того, что потенциал этой социологической категории и аналитического принципа недоиспользован [Edmunds, Turner 2002, p. 2; Foster 2013, p. 12].

Первый уровень – семья и род. В славянских языках слово «поколение» происходит от «колена», под которым понимается совокупность родственников, име-

² Категория «малые населенные пункты» имеет относительный характер и варьируется от страны к стране, не имеет официального статуса. В РФ есть официальное понятие малого города, под которым понимается населенный пункт с численностью населения менее 50 тыс. чел.

ющих общего предка, род, племя. В нем содержится и ось времени – например «в третьем колене». На этом уровне категория поколения используется для обозначения сосуществующих «колен»: бабушек/дедушек, родителей и детей. В этом смысле слово «поколение» используется как в обыденном языке, так и в литературе, и в науке: «старшее и младшее поколения семьи». На этом уровне категория обладает высокой степенью точности. В социальных науках «поколение» использовалось для описания структуры семьи и рода [Menand 2021].

В литературе грань между индивидуальным и социальным размывается в категории типа: автор пишет о единичных героях, подразумевая, что они представляют более или менее распространенные типы. Тема «отцов и детей» красной нитью проходит через литературу XIX–XX вв. (в обостренной форме ее предложил И.С. Тургенев в романе «Отцы и дети»). Помимо этого, категория поколения является линзой, которой активно пользовались Э. Хемингуэй и Э.-М. Ремарк.

Категория поколения использовалась историками политики, философии, литературы и искусства, когда они хотели подчеркнуть различия между деятелями, сформировавшимися в разные исторические эпохи [Jaeger 1985, pp. 274–278]. Как правило, она охватывала только конкретную социальную группу или общество. «Печально я гляжу на наше поколение», – писал М.Ю. Лермонтов. И вряд ли кому-то кажется, что он говорил о всей своей возрастной когорте, включавшей различные слои дворянства, солдат, крестьян, купцов, священнослужителей и т. д. В этом смысле использовал категорию поколения и К. Мангейм, ссылаясь на которого начинаются все современные исследования этой темы.

Однако в рамках социально ограниченного объекта всегда само собой подразумевалось, что группы и сообщества неоднородны: молодые герои А.С. Грибоедова – Чацкий и Молчалин – представляют противоположные типы; революционерам противостояли их ровесники-жандармы. К. Мангейм отмечал проблемы внутренней дифференцированности поколений, где ядро и аутсайдеры могут иметь разный исторический опыт [Мангейм 2000, с. 287]. Для объяснения противоречивых тенденций внутри поколения требуется дополнительный социологический и социально-исторический анализ, учитывающий классы и социальные слои [Jaeger 1985, p. 286]. Все социологические категории, обеспечивающие классификацию людей (класс, гендер, раса, этничность), грешат тем, что преувеличивают однородность и недооценивают дифференциацию [Foster 2013, p. 18]. Поколения – это сообщества, объединенные общим опытом (в немецком языке используется категория *Erfahrungsgemeinschaften* – сообщества опыта), однако попытки найти общий опыт для целой возрастной когорты проблематичны: есть столица и глубинка, есть фронт и тыл.

Общность пережитых событий не порождает автоматически общность их восприятия, оценки и извлеченного опыта. К. Мангейм отмечал вероятность полярно противоположных форм «интеллектуальной и социальной реакции на исторический стимул, который испытали все», когда внутри одного поколения формируются разные, в том числе антагонистические, секции, группы или подразделения (units) [Мангейм 2000, с. 36, 39]: так, революция 1917 г. развела россиян по разные стороны линии фронтов Гражданской войны.

Дух времени и ментальность, являющиеся важными факторами формирования поколения, также подвержены фрагментации. Как отмечал К. Мангейм, они не распространяются на все общество соответствующего периода [Мангейм 2000, с. 46].

Дух времени проходит через дифференцирующий фильтр социальной и идеологической структуры каждого общества; в нем формируются разные, часто антагонистические «ветры».

Типизация – научная или художественная – чревата мифологизацией, то есть процессом предельного упрощения социальной структуры и подмены ее противоречивой полифоничности героями, сконструированными художественными или научными методами. Так, из художественной типологии вырос миф о «потерянном поколении» людей западного мира, искалеченных и сформированных в горниле Первой мировой войны; этот вымысел уводил за скобки огромное большинство, которое не было на фронте, а тем более на передовой. В СССР была сотворена легенда о поколении героев Гражданской войны, одним из наиболее ярких воплощений которого стала повесть Н.А. Островского «Как закалялась сталь». В США активисты студенческого движения и хиппи превращались в героев, репрезентирующих все поколение ровесников, хотя большинство из них придерживались иных стилей жизни и идеологических ориентаций. В СССР, а затем в Российской Федерации усилиями государства был сконструирован миф о ветеранах Великой Отечественной войны, в котором под один знаменатель подводится опыт солдата-пехотинца и штабного генерала, работников тыла и военнопленных. Аналогичным образом позже сформировался миф о шестидесятниках, в котором ряд знаковых фигур советской интеллигенции используют как героев, представляющих поколение, хотя требуется очень большая натяжка, чтобы с его помощью охарактеризовать не только всю возрастную когорту, но и интеллигенцию, принадлежавшую к ней. Схожие мифы конструируются и в наше время: в политической журналистике вошло в оборот понятие «поколение Путина» [Фохт, Арнольд 2018; Elliott 2019; Volkov 2019]. В основе конструирования этой категории лежит идея о том, что факт пребывания В.В. Путина на высшем государственном посту более двух десятилетий является событием, формирующим облик поколения как возрастной когорты.

С середины XX в. на волне увлечения количественными методами, которые в позитивистской традиции рассматривались как атрибут научности, в социологии восторжествовало демографическое понимание поколения как укрупненной возрастной когорты, формативный период которой включает целый исторический период и отмечен важными событиями и процессами. «Для социологического анализа поколений, сменяющих друг друга, – как отмечал Ю. Левада, – важными представляются прежде всего временные рамки формирования (социализации) определенных возрастных групп, которые приходятся на особо значимые, переломные периоды» [Левада 2001, с. 8]. Американский *Pew Research Center* работает с категорией «поколенческой когорты» [Dimock 2019], что позволяет создавать статистические портреты поколений, в которых выделяются их отличительные черты, объясняемые через специфические условия формативного периода. Следует отметить, что статистический подход состоит в том, что событие, определяющее специфику поколения, должно быть общеизвестным и «восприниматься как значимое критической массой представителей данного поколения» [Радаев 2019, с. 35], при этом социальные и вкусовые подробности, усложняющие картину, выводятся за скобки.

Особенно активно поколенческий анализ используют маркетологи в своих прикладных исследованиях, пытаясь уловить особенности потребительского поведения целевых групп. Как пишет обозреватель журнала *The New Yorker*, для

оживления молодежного сегмента рынка была «придумана категория “поколение”, позволяющая периодически давать “молодежной культуре” новые характеристики» [Menand 2021].

Социально-философский и публицистический подходы строятся на том, что исследователь определяет, какое событие выражает дух эпохи и формирует направление его динамики. В зависимости от идеологической позиции автора эти события черпаются либо из официальной, либо из оппозиционной истории: например, вторая половина 1930-х гг. для одних была периодом «полной победы социализма», а для других – эпохой «большого террора». В результате категория поколения в силу своего очень высокого уровня абстракции активно используется для мифотворчества.

Попытки работать с этой категорией на микроуровне, опираясь на качественные методы социологического анализа (например, [30 фактов о современной молодежи 2017]), порождают больше встречных вопросов, чем ответов. Качественное исследование, опирающееся на категории макросоциологии, может давать только иллюстрации к уже полученным статистическим данным, при этом полученная в результате него информация в силу ее индивидуального характера не может распространяться на поколение.

Использование категории поколения сопровождается столь существенным количеством оговорок, что все чаще звучат сомнения: а являются ли поколения реальными группами [Duffy 2021]? «Интерпретация возрастной когорты как культурной единицы скорее вводит в заблуждение, чем проясняет» ввиду отсутствия эмпирических оснований для утверждения, что дифференциация внутри поколения меньше различий между поколениями [Menand 2021]. Около 200 специалистов, работающих в сфере общественных наук, обратились с открытым письмом в *Pew Research Center*, призывая как можно быстрее отказаться от работы с категорией поколения. В письме утверждается, что деление на поколения произвольно и не имеет под собой научного основания и ведет к формированию грубых стереотипов [Cohen]. Также следует упомянуть об австралийских исследователях, авторах монографии «Молодые люди в цифровом обществе», которые, разрабатывая классический объект поколенческого анализа, избегают термина «поколение» и определяют его с помощью формулы «молодость плюс цифра» [Third et al. 2019].

Поколенческая ситуация

Ситуация – это стечение обстоятельств на пересечении двух измерений бытия – пространства и времени: здесь и сейчас, или там и тогда. Категория поколения по определению имеет ситуативный характер; это возрастная когорта (определение места в социальном пространстве), сформировавшаяся в контексте определенных исторических событий (место в потоке времени), а сами события локализованы в пространстве – географическом и социальном – и во времени (событие обладает протяженностью, качественно своеобразными этапами). Отсюда следует, что люди, принадлежащие к одной поколенческой когорте, оказываются в разных поколенческих ситуациях, у которых часто лишь с трудом прослеживается общий знаменатель, и основная функция этой категории состоит в анализе процессов

локализации опыта. Применение категории поколения в исследовании неизбежно требует его локализации в пространстве и во времени.

На одном полюсе этого процесса стоит предельно абстрактное глобальное поколение, существующее пока, скорее, как миф и потенциальная возможность. Глобализация – это не оформившееся состояние, а тренд, далекий от завершения. Его масштаб и глубина очень сильно разграничены в географическом и социокультурном пространствах: глобализация в Москве и в глухой деревне – это далеко не одно и то же. События глобального масштаба, реально формирующие образ жизни и ментальность большинства жителей нашей планеты, пока распознаются лишь частью интеллектуалов (угроза глобального потепления или мировой войны). Доступ к Интернету и новым средствам коммуникации весьма серьезно дифференцированы в рамках одной поколенческой когорты, при этом само виртуальное поле рассечено плохо проницаемыми языковыми границами. Географическое пространство, несмотря на процесс глобализации, остается разделенным на национальные государства, у каждого из которых своя история, наполняющая формирование поколений специфическим содержанием, при этом внутри государств пространство сильно сегментировано на регионы и типы населенных пунктов. И на каждом уровне находится свой набор локальных исторических событий: например, для моногородов и поселков закрытие градообразующих предприятий стало более значимым формирующим событием, чем развал СССР.

И на другом полюсе этого континуума локализации располагается индивидуальная поколенческая ситуация. С одной стороны, она включает в себя набор событий, формирующих конкретного индивида, с другой – часть событий являются общими для мира, страны или населенного пункта, а часть представляет собой элементы биографического времени (например потеря родителей в раннем возрасте, утрата здоровья и т. д.). Слово «индивидуальная» фокусирует внимание на специфике переживания индивидом исторических эпизодов в контексте уникального переплетения как объективных обстоятельств, так и оптики, через которую они воспринимаются. В такой ситуации, которая находится в центре биографического интервью, на первый план выходит субъектность индивида, через призму которой он определяет смысл объективных факторов, событий и процессов. Таким образом, глобальное и биографическое время представляют разные, но неразрывные полюса: глобальное является примесью индивидуального, а совокупность индивидуальных ситуаций в конечном счете сливается в ситуацию глобальную. Исторические события как факторы, формирующие поколения, не монолитны: у солдата-пехотинца и его ровесника из штаба армии, у рабочего блокадного Ленинграда и колхозника из горного кишлака, заключенного и артиста театра была своя Великая Отечественная война. Это же можно сказать и обо всех крупных исторических событиях, следовательно, игнорирование процессов локализации поколенческих ситуаций закономерно ведет к мифологизации поколений.

В процессе локализации поколение, как и все ключевые категории, используемые для описания социальной структуры (класса, слоя, этноса, гендера, возраста и т. п.), распадается на элементы, которые в конкретных ситуациях формируют неразрывный сплав с другими категориями, обретающими статус факторов: так, в реальности нет просто рабочего, москвича, мужчины, русского и т. п. Все эти категории превращаются в факторы локальной ситуации, и поколенческие характеристики выполняют эту роль наряду с иными. Поколенческий фактор –

это комплекс событий, формирующих людей, их образ жизни и мышления, однако он действует одновременно с прочими факторами, неразрывно сливаясь с ними, и выделяется только аналитическим путем. При этом цель поколенческого анализа сдвигается с описания особенностей возрастной когорты на выяснение роли фактора поколения в совокупности других факторов, формирующих социальную ситуацию. «Поколение» и «поколенческая ситуация» – это близкие, но существенно разные категории, призванные решать разные же задачи.

Таким образом, социальная ситуация – это стечение самых разных обстоятельств, локализованных исследователем на шкале «глобальное – индивидуальное» в конкретный период времени. Ситуация становится поколенческой, когда исследователь делает предметом изучения фактор поколения, т. е. комплекс событий и процессов, формирующих людей на определенном этапе их биографии. Правда, нередко вычленив из сплава ситуации фактор поколения бывает крайне сложно, а то и невозможно, особенно трудно разделить факторы возраста и поколения.

Взгляд на социальную ситуацию через оптику поколения означает сравнение личностей, сформировавшихся в разные периоды истории, в двух ракурсах. Во-первых, это сравнение представителей разных поколений в одной и той же точке их жизненного цикла (например начало обучения в школе или вступление в брак) в разные исторические периоды. Во-вторых, это сравнение людей разных поколений на одном и том же перекрестке и в один и тот же момент времени (например поведение на рынке труда в настоящее время).

Ситуационный анализ, возникший в социальной психологии [Левин 2000; Росс, Нисбетт 2000] и перекочевавший в социологию, сдвигает фокус анализа с личностных характеристик на ситуацию как стечение обстоятельств, навязывающее определенную логику поведения или ограниченный набор доступных вариантов для выбора.

Экзистенциальная ситуация включает в себя объективный и субъективный компоненты. Первый составляет комплекс обстоятельств, дающих одни возможности и исключающих другие. Эти обстоятельства можно разбить на две группы – обстоятельства пространства (физического и социального) и времени (биографического и исторического)³. Люди часто описывают этот компонент ситуации словами: «Мне выпало жить в эпоху...». Это аспект предписанного социального статуса.

Субъективный компонент ситуации – это определение, программирующее реакцию на нее. Как гласит теорема Томаса, ситуации, которые люди идентифицируют как реальные, действительны по своим последствиям [Thomas W., Thomas D. 1928, p. 572]. Из ее оценки вытекают совершенно реальные поступки, при этом определение может быть как близким к характеристикам ее объективного компонента, так и к предельно иллюзорным, хотя разделить объективный и субъективный компоненты часто оказывается серьезной проблемой. Индивид оценивает ситуацию и принимает решение, как поступить, исходя из имеющегося у него жизненного опыта, выполняющего функцию навигатора, однако содержание этого навигатора (загруженные в него ментальные карты) черпается из окружающей объективной реальности. Иными словами, дух времени пропитывает сознание индивида, который под его давлением совершает поступок, будучи в твердой уверенности, что это был его личный выбор.

³ «Времена не выбирают, // В них живут и умирают» (А. Кушнер).

Методика полевого исследования

Целью полевого исследования является построение объяснительной модели различий в миграционном поведении нынешней молодежи и старших поколений. Отсюда исходил и основной исследовательский вопрос: почему нынешняя молодежь стремится уехать из мест, где веками жили предки, где на аналогичной развилке жизненного пути их дедушки и бабушки, их родители решили остаться? Объектом данного эмпирического исследования стала ситуация экзистенциального выбора, в которой оказывались жители северной глубинки в момент завершения школьного образования; предмет исследования – решение ими проблемы «остаться или уехать?». Представители разных поколений сравниваются в одной и той же ситуации жизненного цикла – в момент завершения школьного образования. В фокусе исследования находится фактор поколения, то есть совокупность событий и процессов разного масштаба, локализованных в потоке истории – национальной или локальной.

Гайд интервью включил в себя два блока тем для обсуждения. Во-первых, это объективные элементы локальной ситуации, которые выбраны информантами в качестве фактора принятия решения (за скобки «локальной ситуации» выведены специфические условия конкретного населенного пункта). Общий знаменатель такой ситуации был ограничен малым населенным пунктом в регионе так называемого старого Русского Севера. Во-вторых, это оценка (определение) этих элементов в одной и той же ситуации представителями разных поколений. Почему характеристики образа жизни в данном малом населенном пункте, устраивавшие старшие поколения, оказались неприемлемыми для нынешней молодежи? В ходе глубинных интервью информанты размышляли о своем восприятии климата, социальной инфраструктуры, бытовых условий и т. д.

Основным методом сбора данных стало глубинное биографическое интервью. В качестве информантов выступили жители глубинки старого Русского Севера (Республика Коми, Архангельская и Вологодские области, а также север Костромской области). В проведении интервью местами использовалась стратегия ассоциированных исследователей: местные жители, прошедшие специальную подготовку, проводили полуформализованные интервью в своих населенных пунктах, что открывало новые ракурсы, менее доступные или вообще недоступные для чужака. Выборка (72 информанта) имеет теоретический характер: ее формирование было подчинено цели построения модели миграционного поведения в поколенческой ситуации и не предполагало репрезентацию генеральной совокупности. В поиске информантов мы ориентировались на вопрос «что данный человек может добавить в конструируемую модель поколенческой ситуации?» При формировании выборки внимание уделялось отбору информантов, принадлежащих к разным поколениям и обладающим различным опытом выхода на жизненный перекресток (разный гендер, уровень образования, профессия, семейное положение и т. д.). Кроме того, ключевыми критериями выбора информантов стали их готовность принять участие в работе в качестве соисследователей, ищущих вместе с интервьюером ответы на сложные вопросы, их способность наблюдать и анализировать свою и чужую жизнь, их открытость.

В выборке четко выделяются две части. С одной стороны, это современная молодежь (16–25 лет), еще проживающая в своем родном селе или малом городе

и находящаяся на распутье («уехать или остаться?»). Именно эта группа находится в центре внимания, так как основной вопрос исследования сводится к причинам ее миграции. С другой стороны, это недифференцированная группа представителей старших поколений (родителей, дедушек и бабушек), когда-то в такой же ситуации выбора уже решившихся остаться в этих местах. Их ситуация определяется двумя основными критериями: (1) они сделали выбор в иных исторических условиях; (2) они решили остаться. Все остальные критерии при формировании выборки были выведены за скобки, так как фокус в полевом исследовании был сведен на нынешнюю молодежь, а все остальные являлись лишь фоном для сравнения, и учет различий внутри группы оставшихся информантов сделал бы предмет исследования слишком сложным для масштабов статьи. Исследование сфокусировано на анализе новых факторов, появившихся в северной глубинке преимущественно в последнее десятилетие. При этом за рамками выборки остались и люди, когда-то уехавшие из родных мест, и их включение в выборку существенно расширило бы объект и без того широкого исследования. Кроме того, в двух малых городах Республики Коми учащиеся 11-го класса (16 чел.) и профессионального колледжа (49 чел.) написали эссе на тему «Время жить в N?»; им задавался один вопрос именно в такой формулировке, где вместо N стояло конкретное название.

Транскрипты интервью и эссе анализировались с помощью программы обработки качественных данных ATLAS.ti8. В тексте статьи цитаты из интервью сопровождаются кодом (например, 73/19, муж., 16 л., шк., РК), где первая цифра – порядковый номер документа, вторая – год проведения интервью, затем – пол (муж. или жен.), возраст (здесь – 16 л.), социальное положение (шк. – школьник или школьница, кол. – учащиеся профессионального колледжа, профессия или статус неработающего пенсионера), регион (РК – Республика Коми, ВО – Вологодская область, КО – Костромская, АО – Архангельская). Жанр источника (интервью или эссе) в коде не отражались, так как различия между ними состоят только в количестве обсуждаемых тем и углубленности ответов; порядковые номера после «72» – эссе.

Результаты исследования

В фокусе полевого исследования стоял вопрос о роли фактора поколения в оценке ситуации принятия миграционного решения после окончания школьного обучения. Нынешняя молодежь сравнивалась с поколениями родителей, а также дедушек и бабушек.

В формировании поколения современной молодежи существенную роль играет целый ряд процессов: (1) возникновение масштабных очагов общества потребления, которое характеризуется новыми пространствами как возможностей, так и желаний (консюмеризмом); (2) концентрация этих очагов в столице и крупных региональных центрах; (3) быстрое формирование цифрового общества, радикально расширяющего горизонты сравнения реальной жизни в глубинке с потенциально возможными стилями жизни; горизонт приобретает все более ярко выраженный глобальный характер: оценка ситуации в своем селе осуществляется с оглядкой не только на областной центр или Москву, но и на стандарты наиболее

развитых стран мира; (4) деградация всех сфер жизни в существенной части северной глубинки; (5) существенное ослабление институциональных механизмов прикрепления населения к местам проживания: замена разрешительной прописки уведомительной регистрацией, введение системы ЕГЭ, размывание жесткой связи между пропиской и возможностями трудоустройства. Старшие поколения (особенно дедушки/бабушки) находились на аналогичной развилке жизненного пути в те периоды, когда эти процессы либо отсутствовали, либо не имели нынешних масштабов. Новое содержание объективной ситуации формирует и новое восприятие даже ее неизменных элементов (климата, традиционного уклада жизни), что в свою очередь ведет к иной реакции на них.

Фактор поколения является одним из элементов сплава, формирующего локальную ситуацию, в которой принимается решение остаться или уехать. Все перечисленные процессы в северной глубинке существенно отличаются от логики их протекания в столице или других странах: например, концентрация ресурсов в Москве создает в ней энергию удержания, а в северных селах выполняет роль фактора выталкивания из родных мест и притяжения столицы.

Локализация ситуации не ограничена групповыми рамками; здесь четко прослеживается и процесс индивидуализации. Важными элементами индивидуальной ситуации становятся материальное положение семьи и ее амбиции, определяющие готовность и возможность нести затраты на обучения детей в большом городе. Немаловажным элементом являются итоги образования в школе, формализуемые итогами ЕГЭ, поскольку полученный балл выявляет потолок возможного выбора учебного заведения. Доходы семьи определяют уровень комфортности имеющегося жилища как фактора выталкивания или удержания, а также перспективы решения жилищной проблемы в большом городе. Также немаловажным фактором остается история семьи: коренные жители северных районов более склонны к принятию существующих условий в качестве «нормальных», хотя для современной молодежи роль этого фактора заметно падает. В то же время приезжие, оказавшиеся здесь либо вынужденно (наследие ГУЛАГа), либо добровольно (приехали на заработки), всегда воспринимали Север как место временного пребывания.

Климат

Климат (даже с поправками на его изменение) остается стабильным объективным фактором для всех поколений, однако восприятие климата идет через культурные линзы, сформированные новой поколенческой ситуацией.

Можно выделить две категории жителей Севера. Первые – это коренные обитатели этих мест: здесь родились и жили не только они сами, но и все их предки, при этом многие почти не выезжали за пределы региона, а потому им не с чем сравнивать, и для них местный климат – это нечто само собой разумеющееся. В интервью они рассматривали климат как некую проблему, осложняющую жизнь, но он им нравится и не является фактором выталкивания. Однако молодежь из таких семей, как правило, уже имеет возможность сравнивать (выезжали на каникулы в иные места, активно знакомятся с разными частями мира в виртуальном пространстве), поэтому зачастую сетуют на климат. Вторые – это приезжие, которые

когда-то прибыли из более благоприятных климатических условий, уже привыкли к холоду, однако южные регионы остаются для них землей обетованной. На этой основе и строится модель северной мечты: человек приезжал на Север на заработки и, накопив приличную сумму, покупал домик (квартиру) в более теплых родных местах; одни уезжали через несколько лет, другие – заработав северную пенсию. Эта категория жителей концентрируется в основном в населенных пунктах, привязанных к объектам, куда государство привлекало рабочую силу из других регионов (города и поселки городского типа). Эта мечта о возвращении в теплые места с молоком матери передается и детям, при этом новый опыт и виртуальная реальность формируют устойчивое определение климатической ситуации, которая толкает к стремлению уехать: зачем жить в холоде, если можно в тепле? На этот вопрос у молодых людей убедительного ответа нет.

Работа

В последние десятилетия на рынке труда малых населенных пунктов Севера рабочие места, характерные для постиндустриальной экономики, в заметном количестве так и не появились. Основной каркас локальной экономики северной глубинки (лесное и сельское хозяйство, лесозаготовка и лесопереработка, дорожное строительство, кое-где транспорт) остался неизменным, при этом существенно сократившись. Однако восприятие этих традиционных видов деятельности, программирующее миграционное поведение, у детей и отцов заметно различается.

В советском варианте социальной мобильности подросток, получив приемлемое для своего времени образование, оказывался на перекрестке, где самый простой и доступный путь лежал на одно из местных предприятий (в деревне обычно единственное) или профтехучилище в районном или областном центре. Перспективы отъезда были тоже обозначены на «дорожном указателе», но в раннем возрасте родители обычно не готовы были отпускать ребенка далеко, да и интересы подсобного хозяйства также принимались во внимание. Кроме этого, трудовое воспитание с детских лет в домашнем хозяйстве и на совхозных полях делало переход от школы к физическому труду очевидным и беспроблемным.

«Мы с Камчуги классами ездили помогать урожаем собирать» (15/19, муж., 63 г., ВО).

Работа после школы в родной деревне рассматривалась молодежью и родителями не как самый успешный, но вполне достойный выбор. И такая трудовая колея длиной в жизнь была вполне «нормальной», так как ее выбирали многие односельчане.

«Тоня окончила 7 классов и сразу пошла дояркой на колхозную ферму, где и проработала до развала колхоза. Это событие совпало с истощением ее сил» (4/19, жен., 80 л., КО).

Современные подростки северной глубинки проходят социализацию в иных условиях: ушла в прошлое «шефская помощь» школ совхозам; существенно сократились приусадебные хозяйства, а в заметной части семей они вообще исчезли. В результате современный выпускник школы смотрит на аграрный труд почти с такой же дистанции, как и его городской сверстник, и отсюда вполне логично следует вывод: «тут делать нечего» или «здесь нормальной работы нет».

Что касается работы вахтовым методом, то она привлекательна в основном для людей старших возрастов, которым есть что терять (дом, хозяйство, семья, сковывающая мобильность) (см. [Плюснин и др. 2013]). Для молодежи, ищущей не столько заработок, сколько современный образ жизни, эта перспектива не обладает притягательностью, и никто из молодых информантов ее даже не упоминал. Энергичным проще переехать в большой город, а для пассивных и ленивых работа в изнурительном вахтовом режиме на северных стройках и промыслах, с одной стороны, слишком тяжелая и «грязная», а с другой – они там не нужны, так как востребованы в основном рабочие со специальностью и стажем.

В современной России для выпускников школ северной глубинки, взрослых в условиях формирующегося информационного общества, открыт широкий набор моделей успешной жизни. Особенно привлекательна перспектива стать членом креативного класса, хотя для большинства она иллюзорна, но служит критерием для оценки рабочих мест. При использовании такой популярной шкалы работа на ферме в родном селе не просматривается даже в самом конце этого длинного списка. Телевидение и социальные сети поставили на поток распространение моделей жизни средних классов. Все прочие, которым эти модели недоступны, предпочитают свой образ жизни не афишировать, ограничиваясь в сетях доступными деталями престижных моделей (например отчет о походе в суши-бар или поездке на море); в сетях вряд ли найдешь посты в стиле «я и мои коровы» или «я на работе в поле». Минимально приемлемый вариант – работа в очень ограниченной сфере услуг в своем районе, а вектор устремлений и социальный успех представлены «чистой» работой в большом городе (желательно с дипломом в кармане). При этом родители, впитавшие дух времени, обычно не хотят, чтобы дети шли по их стопам и оставались работать дома, а тем более занимались только физическим трудом.

«В нашем городке оставаться после обучения бессмысленно. Самые важные причины – это маленькая заработная плата и дефицит рабочих мест. В свете этих наблюдений я считаю, что время паковать чемоданы» (81/19, муж., 16 л., кол., РК).

«Если город не развивается, вы гниете вместе с ним» (122/19, жен., 16 л., шк., РК).

Помимо этого, наши информанты в качестве фактора выталкивания достаточно часто называли не столько дефицит рабочих мест, сколько отсутствие перспектив карьерного роста, возможностей самореализации в интересном труде, который для них не локализуется на местной фабрике или в леспромпхозе.

Жилищные условия

Жилищные условия являются фактором, играющим неоднозначную роль в действии баланса сил выталкивания и удержания. В прежние времена молодежь, не имея опыта, позволяющего сравнивать свое настоящее жилищное положение с возможными альтернативами, воспринимала не меняющуюся веками избу, где единственными маркерами модернизации второй половины XX в. были электричество, а позже радиоприемник и телевизор, как нечто само собой разумеющееся. По мере знакомства с городской жизнью традиционный деревенский быт начинает проблематизироваться: зачем жить в архаичных условиях, когда есть надежда на современные условия в большом городе? Мечта о жизни в городском комфорте стала распространяться в глубинке уже в 1960–1970-е гг., когда в больших городах развернулось массовое строительство современного жилья, а в XXI в. стандарт «нормальных» условий существенно вырос благодаря знакомству с современной массовой культурой.

В данном случае можно выделить два основных тренда. Во-первых, в семьях, где нет трудоспособных членов, собирающихся связать свою дальнейшую судьбу с данным населенным пунктом, жилье сохраняется в более или менее архаичном виде и поддерживается в минимально допустимом состоянии: здесь и люди, и дома существуют в режиме дожития; в них остаются жить либо пенсионеры, не имеющие ресурсов ни для модернизации, ни для переезда, либо маргинализованные жители разных возрастов, также лишенные ресурсов. Такие жилища встречаются не только в умирающих деревнях, но и во вполне нормально существующих райцентрах. Второй тренд заключается в модернизации существующих изб или строительстве новых комфортабельных домов, и представители всех поколений оценивали такое жилище как вполне приемлемое. При этом информанты среднего и старшего возрастов обычно рассматривают такую собственность как убедительный аргумент против любых попыток миграции, так как в случае продажи на вырученные средства можно купить жилье несопоставимо более низкого качества. Однако молодежь почти не упоминала относительно комфортабельные и просторные дома своих родителей как фактор удержания в родном селе или городке.

Образование

Социальный институт образования играл и играет противоречивую роль в конструировании поколенческой ситуации. В советский период значительная часть молодежи получала профессиональное образование в своем районе, не вырываясь из привычной колеи.

«Таня в 1970-е годы после 8-го класса деревенской школы поступила в сельское профессионально-техническое училище в райцентре и получила специальность тракториста. 9 лет проработала по специальности в колхозе» (2/19, жен., 60 л., КО).

«Леша в 1980-е годы после 8-го класса окончил сельское профессионально-техническое училище в райцентре, вернулся в свою деревню, где его взяли трактористом на ферму» (3/19, муж., 52 г., КО).

И такой уровень образования поблизости от дома считался пусть и не очень успешным, но вполне приемлемым, однако современные школьники идут по этому пути только при отсутствии выбора. Низкая успеваемость в школе и невысокий семейный доход отсекают возможность получения высшего образования в городе, а компромиссным вариантом становятся профессиональные колледжи в районных и региональных центрах.

Высшее образование, считавшееся во второй половине XX в. эксклюзивной моделью социального успеха, в XXI в. превратилось в магистральный путь, причем отсутствие университетского диплома для современной молодежи, в том числе в глубинке, стало маркером социального неудачника. Новая планка жестко связана с перспективой отъезда в региональный центр или столицу, правда, мало кто учитывает, что получение диплома не гарантирует работу, позволяющую применить это образование.

Армия

Большую роль в разрушении традиционного образа жизни русской глубинки издавна играла армия, вырывавшая молодых людей из колеи традиционного образа жизни. Мужчины по воинскому призыву уезжали из своих деревень и городков на несколько лет (информанты старших поколений покидали родные места на 2–3 года); за это время они успевали отвыкнуть от прежней жизни. После демобилизации вербовщики соблазняли их рублем и перспективами на стройках и заводах, в результате чего домой приезжали не все, но все же существенная часть по разным причинам возвращалась на родину.

«Леша после армии вернулся в родную деревню, а его брат поехал в областной центр, где нашел работу, женился и теперь лишь изредка навещает к матери» (3/19, муж., 52 г., ВО).

«В 1993 году я ушел в армию, потом пришел. <...> Ну и, как бы, уже все покатилося по наклонной. Но мы-то еще думали, что все это недолго будет. И как-то <...> не отучился, профессии не получил. <...> Сюда приехал, в колхозе работал, потом здесь устроился на пилораме» (6/19, муж., 44 г., КО).

В XXI в. службу в армии как самостоятельный фактор миграции выделить достаточно сложно: выпускники школ не упоминают армию как потенциально судьбоносную веху в их биографии. Продолжительность службы в армии существенно сократилась, и поэтому в настоящее время она представляется неким непродолжительным перерывом в выбираемом жизненном пути. Тот, кто хотел учиться, повто-

ряет попытки поступления; кто хотел уехать, уезжает, и в данном случае выделить фактор армии достаточно трудно. Исключением является служба по контракту, которая для молодежи из мест с высоким уровнем безработицы и низкой оплатой труда является альтернативной формой миграции.

Личное подсобное хозяйство

До 1990-х гг. включительно личное подсобное хозяйство (ЛПХ) являлось атрибутом российского сельского образа жизни. Оно было важным, а нередко и основным источником средств существования семьи, обеспечивая сытость, не зависящую от неустойчивого государственного снабжения. Этот факт придавал ему большой смысл: с хозяйством и без него – это два совершенно разных варианта качества жизни. Молодежь с детских лет втягивалась в работу, воспринимая ее как нечто само собой разумеющееся. Хозяйство занимало существенную часть времени, привязывало к себе, выступая мощным аргументом против попыток поехать даже в отпуск (а кто будет сено заготавливать? а кто будет огород пропалывать?). Таким образом, личное подсобное хозяйство являлось очень важным элементом поколенческой ситуации молодежи позднего советского периода, выполняя роль якоря, и в условиях экономики дефицита оставалось веским аргументом в пользу преимуществ сельского образа жизни.

На рубеже XX–XXI вв. процесс деградации личных подсобных хозяйств на Севере резко ускорился (в других регионах ситуация складывается по-разному). Этот формат хозяйственной деятельности начал стремительно терять экономический смысл в силу переплетения целого ряда факторов: (1) дефицит продуктов питания, стимулировавший ведение личных хозяйств, сменился дефицитом денег; (2) резко подорожали корма, удобрения; развалились совхозы, где можно было честным и нечестным путем получать материальную поддержку ЛПХ; (3) особую роль играл фактор Севера с очень узким выбором видов деятельности, способных конкурировать с ассортиментом крупных торговцев. В результате былая многопрофильность приусадебных хозяйств свелась в основном к выращиванию картошки и некоторых других овощей. Вследствие этих процессов в социализации детей начала XXI в. стала прослеживаться минимизация их участия в сельском физическом труде (да и вообще в физической работе), который теперь воспринимался как нечто совершенно чуждое, пугающее и неприемлемое.

«Мы уже другое поколение, которое больше привыкло использовать умственный труд, а не физический» (33/19, муж., 16 л., шк., ВО).

«У папы есть кролики, утки, также есть кошки и собака, но в мои обязанности не входит их кормить. <...> Дома я маме помогаю помыть полы, погладить белье, только то, что делает девочка» (26/19, жен., 17 л., шк., ВО).

Таким образом, тяжелый физический труд в личном подсобном хозяйстве как ключевой элемент поколенческой ситуации имеет совершенно разный смысл

в контексте различных исторических эпох. И нет никакого парадокса в том, что молодой человек, сидя в избе, расположенной рядом с огромными заброшенными огородами и полями, разглагольствует о том, что «здесь работы нет, поэтому надо уезжать», хотя такая ситуация его прадедам показалась бы абсурдной.

Досуг

Время, не занятое работой, бытом или учебой, может заполняться по-разному, приобретая в результате принципиально различный смысл: если его насыщать деятельностью, доставляющей удовольствие (относительный критерий, жестко привязанный к потребностям личности), оно становится свободным; если же его не заполнять полезной активностью (нет условий, нет желаний), оно превращается в пустое время, главным признаком которого становится чувство скуки. В молодости одним из самых востребованных ресурсов, делающих время свободным, является общение, предполагающее наличие близких по духу и интересам людей. По мере взросления содержание свободного времени в силу многих причин сдвигается в сторону семьи, уединения и пассивного потребления (например просмотр телепередач).

В поздний советский период в селах и малых городах проживало еще достаточное количество молодежи, повсюду строились современные Дома культуры. Все это становилось ресурсами формирования свободного времени, поэтому жизнь в глубинке для многих не казалась скучной.

«Мне в деревне не было скучно: я в Доме культуры занималась в кружках, пела в хоре, писала стихи» (2/19, жен., 60 л., КО).

«Раньше, еще лет 20 назад, когда в деревне было много людей, все здесь жили нормально. В клубе постоянно проводили какие-то мероприятия, концерты, посиделки для молодых семей и не только. Нормально проводили время, потанцуем, столы соберем. Сейчас это все уже ушло. Людей становится мало, уже скучно делается» (6/19, муж., 44 г., безработный, КО).

В конце XX – в первой четверти XXI в. процесс депопуляции и социальной деградации во многих населенных пунктах (особенно в деревнях) стал приобретать характер цепной реакции, в которой причина и следствие замкнулись в один порочный круг. Экономическая деградация глубинки запустила миграцию населения (в первую очередь молодежи) в города, местные бюджеты стали беднее, а инфраструктура досуга – менее востребованной. В результате клубы начали закрываться, параллельно появился запрос на современные формы досуга, заполнять время развлечениями становилось все сложнее, что в свою очередь еще сильнее, чем рынок труда, стимулировало отток из глубинки.

Восприятие возможностей досуга в глубинке представляется логически противоречивым. С одной стороны, большинство информантов из районных центров перечисляли достаточно длинный список вариантов проведения свободного

времени. При этом плотность доступных форм досуга (особенно развивающего) оказалась выше, чем в больших городах, так как большинство секций, кружков, площадок и парков расположено в шаговой доступности при минимуме затрат времени на перемещение.

«Какой досуг есть в Тотьме? Его до фига, прямо очень много, от малых лет и до велика» (28/19, муж., 24 г., звукорежиссер, ВО).

«Мне кажется так: если ты не хочешь скучать, у тебя не будет времени скучать, все условия есть» (70/19, жен., 18 л., студентка, РК).

С другой стороны, молодежь, описывая возможности досуга в малых населенных пунктах, часто говорила, что «здесь скучно и нечем заняться».

«Тут с друзьями некуда сходить, а в больших городах возможностей для этого больше. Вот почему все же стоит уезжать в большие города» (120/19, муж., 17 л., кол., РК).

«Так как молодежь здесь ничем не занимается, она употребляет алкоголь, курит» (83/19, жен., 16 л., кол., РК).

В ходе глубинных интервью проясняется смысл этого логического противоречия: прежде всего скучно тем, кому не интересны даже элементарные возможности развивающего досуга, хотя по этому критерию в столице также не весело. Безусловно, им скучно, но они затрудняются сформулировать, что именно им не хватает. Сетования на ограниченность доступных форм развивающего досуга вполне органично сочетаются с признанием того, что при высокой плотности занятий свободного времени почти нет, поэтому многим из того, что есть, воспользоваться просто не удается.

«В колледже процентов двадцать – активные люди, остальные же пассивны, ничем не интересуются» (13/19, жен., кол., ВО).

Другой источник неудовлетворенности – духовная атмосфера маленького населенного пункта. Попытки добиться объяснения причин, вытесняющих людей в большие города, часто наталкиваются на сбивчивые описания, с трудом укладываемые в логику причинно-следственной зависимости. Исходя из деталей, можно предположить, что большие города обладают притягательной силой как пространства масштабной и разнообразной молодежной тусовки, и привлекательность этого образа особенно сильна, если смотреть на огни большого города из северной глубинки. По словам информантов, чаще всего не хватает торгово-развлекательных центров, но не как совокупности магазинов, предлагающих широкий ассортимент товаров, а именно как места тусовки, где можно бродить в «музее культуры» общества потребления, встречаться с друзьями и т. д.

«Нет никаких торговых центров, кинотеатров» (13/19, жен., 17 л., кол., ВО).

Большой город притягивает анонимностью своей жизни, а малый населенный пункт вытесняет «эффектом аквариума». Многие молодые информанты, описывая минусы своего малого населенного пункта, отмечали плотность и открытость отношений: здесь все обо всех всё знают.

«Здесь все люди друг друга знают практически в лицо, каждый второй друг с другом знаком, каждый друг о друге слышал, о всех ходят слухи, то есть этот, например, работает там-то, сколько у него девчонок, например, было и прочее. Конечно, это напрягает при знакомстве» (36/19, муж., 18 л., кол., ВО).

Такая плотность и прозрачность отношений минимизируют анонимность жизни, а каждый поступок оставляет долгосрочный след, плохо поддающийся забвению; здесь трудно что-то начать с чистого листа. Прошрое, часто актуализируемое в форме слухов и сплетен, преследует неотступно («ну да, это тот, который 10 лет назад...»). Большой город предлагает перспективу совершенно иной атмосферы, где жизнь закрыта от чужих глаз, где ошибку легко зачеркнуть и забыть, где можно параллельно вести разные жизни. Информанты старших возрастов достаточно часто говорили о плотности отношений как о плюсе («всегда кто-то придет на помощь»), при этом в молодежной среде эти плюсы упоминаются гораздо реже. В условиях доминирования строгих традиционных нравов и практики ранних браков «эффект аквариума» не казался столь пугающим. Однако раскрепощение нравов и откладывание брака растягивают период развлечений и поиска оптимального партнера, и в этих условиях существовавший веками «аквариум» обретает иной смысл.

В жизни северной глубинки веками особое место занимали лес и река, являя собой одновременно сферу труда и отдыха, но со временем в этом синтезе досуговый компонент начал играть для большинства основную роль. Старшие поколения с детства приучались ходить в лес собирать грибы и ягоды, активно заниматься рыбалкой и охотой. В интервью заметная часть информантов старших возрастных групп называли лес и реку в качестве важных факторов удержания в этих местах. Однако молодые информанты очень редко говорили о своей привязанности к таким формам досуга, и зачастую поход в лес за грибами воспринимался как родительское принуждение.

Брак

В советское время традиционно важным фактором формирования пространственной жизненной колеи являлся местный брачный рынок, который в условиях перенаселенности глубинки был весьма наполненным. Люди находили пару в своем или соседнем населенном пунктах, достаточно рано создавали семью и заводили детей.

«Я гуляла с парнем из нашей деревни, готова была выйти за него замуж. Но однажды меня пригласили в соседнюю деревню зайти в гости. Зашла. Там налили мне вина и, видимо, приворожили. Я пожалела парня и согласилась выйти за него замуж» (4/19, жен., 80 л., КО).

Такой социальный якорь, как брак, становился мощным аргументом в пользу решения остаться, причем этот механизм закрепления продолжает действовать и в настоящее время, хотя уже гораздо слабее.

«Дочь получила педагогическое образование в Ярославле и хотела там остаться. Но вышла замуж за парня из наших мест, родила ребенка. Приехали сюда и обосновались в соседней деревне» (1/19, жен., 45 л., КО).

«Татьяна ушла от мужа-пьяницы, с которым прожила почти до пенсии. Познакомилась с мужчиной-пенсионером из соседнего поселка. Сошлись. Она переехала к нему» (2/19, жен., 60 л., КО).

Современная молодежь, уезжая учиться после окончания школы в средние и большие города, устраивает там свою жизнь, причем вновь созданным парам уже безразлично, где начинать с нуля. В сочетании с прочими факторами повышается и вероятность решения не возвращаться в родные места. Процесс оттока молодежи из северной глубинки запускает цепную реакцию деградации «брачного рынка»: найти подходящего партнера становится все труднее, что нередко воспринимается как аргумент в пользу миграции в большой город, а с рождением ребенка родной дом нередко становится дачей для детей-горожан.

«Тишина»

«Тишина» – это извечный атрибут сельского образа жизни, приверженцы которого часто при описании его преимуществ говорят: «У нас тут тишина!». С одной стороны, это объективная характеристика звукового фона, которую легко замерить; с другой – «тишина» – это определение ситуации, которое может произноситься и с поэтическим восторгом, и с тоской, подразумевая целый комплекс признаков сельской идиллии.

«Бабушка и дедушка сейчас на пенсии. Летом они постоянно живут в деревне, они любят там находиться, ведь они там родились. Им там нравится, потому что и воздух чистый, и они привыкли заниматься сельским хозяйством, выращивать овощи, фрукты» (33/19, муж., 16 л., шк., ВО).

Ценителей тишины можно разделить на два типа: первые – это те, кто вырос в глубинке и не имел опыта жизни в большом городе, при кратковременном

контакте с которым деревенский житель чувствует себя некомфортно. Вторые, прожив жизнь в большом городе и устав от его суеты, перебираются в сельскую тишину после выхода на пенсию.

«Я всю жизнь прожила в деревне и почти никуда отсюда не выбиралась. Мысль о жизни в городе мне даже не приходила в голову. Я люблю тишину, люблю копаться в огороде» (2/19, жен., 60 л., КО).

В молодом поколении романтическое упоминание тишины встречается в основном у студентов, не успевших адаптироваться к городской жизни: они возвращаются домой, как корабли в тихую гавань из бурного моря. Однако молодые люди, постоянно живущие в глубинке, описывают тишину в одном ряду с понятием «скука», от которой хочет бежать.

Возвращение

Некоторые местные жители, однажды уехав, все же возвращаются, и логика такого поступка в существенной мере универсальна и красной нитью проходит через экзистенциальные ситуации разных поколений. Можно выделить два варианта общего знаменателя таких поступков. Первый – неудача в городской жизни, встречающаяся во всех поколениях. Возвращаются в глубинку и матери-одиночки, поскольку в городе справиться с ситуацией самостоятельно очень сложно, а дома есть жилье, есть родительская семья. Нередко эти молодые женщины на улицах малых городов и сёл представляются основными обманчивыми маркерами надежды на будущее. Многие приезжают сюда к родителям на время в поисках помощи по уходу за ребенком и спокойной жизни.

«Родители уехали в Рязань, прожили там год, и я там родился. Потом развелись. Точных причин не знаю, видимо, отец прикладывался к алкоголю. Мать, которой тогда было 19 лет, наверное, психанула, не вытерпела и вернулась в деревню, а отец поселился в райцентре. Мать работала сначала в клубе, потом дояркой, а отец и в городе, и в райцентре работал на тракторе» (6/19, муж., 42 г., КО).

«Х. уехала в областной центр, где, судя по рассказам знающих ее людей, жизнь пошла не самым успешным образом: сначала пила, а потом уже и спивалась, подрабатывала сексуальными услугами. Однако такой образ жизни не мог не сказаться на ее привлекательности, являющейся на этом рынке формой телесного капитала. В конечном счете, когда возраст стал приближаться к 40, она вышла замуж за своего земляка-алкоголика и вернулась в 2017 году в деревню» (72/19, жен., 38 л., КО).

Второй вариант – возвращение к прежнему образу жизни после выхода на пенсию, своего рода пенсионный дауншифтинг. Некоторые жители больших

городов (особенно с опытом сельской или дачной жизни), заработав пенсию, несоизмеримую со стоимостью городской жизни, возвращаются в глубинку. Да и молодежь в ответ на вопрос о возможностях возвращения обычно отшучивается: «Возможно... Когда выйду на пенсию».

Заключение

Категория поколения, понимаемого как возрастная когорта (то есть реальная группа), сформированная в контексте определенных исторических процессов, является относительно эффективным аналитическим инструментом в массовых опросах. Однако она слишком крупная и жесткая в мягких качественных исследованиях, так как невосприимчива в отношении существенных деталей. В таких исследованиях более адекватной представляется категория поколенческой ситуации: здесь поколение выступает не как реальная группа, а как один из факторов, формирующих локальную или даже индивидуальную ситуацию наряду с факторами места проживания (географический регион, тип населенного пункта и его социально-экономическое положение, уровень развития локальной системы социальных коммуникаций, материальное и социальное положение конкретной семьи, качество полученного индивидом школьного образования, состояние здоровья и т. д.).

Сравнительное эмпирическое исследование ситуаций принятия миграционного решения («остаться или уехать?») современной молодежью, завершающей школьное образование, и старшими поколениями в тот же биографический момент позволило выявить основные изменения в поколенческой ситуации, ставшие особенно заметными во втором десятилетии XXI в., и определить новые объективные факторы поколенческой ситуации:

1) формирование зрелой виртуальной реальности, ломающей былую информационную изолированность глубинки, радикально меняющей пространство сравнения моделей самореализации, разрывающей узкие рамки локальности и расширяющей горизонты до глобального масштаба;

2) компьютеры и смартфоны, переставшие быть роскошью (в глубинке это произошло существенно позже, чем в столице) и открывшие, благодаря Интернету, доступ в соблазняющее перспективами виртуальное пространство для самых широких слоев молодежи;

3) возникновение в России (особенно в столице и больших городах) развитых очагов общества потребления, формирующих для глубинки мощные поля притяжения;

4) деградация в глубинке локальных рынков труда: с одной стороны, существенное сокращение традиционной занятости в сельском хозяйстве, рыболовстве, лесной отрасли и промышленности, а с другой – почти полное отсутствие признаков формирования наиболее престижного постиндустриального рынка, блокирующее возможности самореализации образованной молодежи;

5) существенное облегчение для обладателей высоких ЕГЭ-баллов миграционного скачка из глубинки в столицу или, в крайнем случае, в региональный центр;

б) проведенная много лет назад замена разрешительной прописки уведомительной регистрацией, дополненная ослаблением полицейского контроля миграции.

В этой ситуации изменился и субъективный компонент – восприятие, оценка локальной ситуации в своем населенном пункте. Все, что в той или иной мере устраивало старшие поколения, казалось им «нормальным» или «терпимым», перестает быть таковым в глазах нынешних выпускников школ; то, что для старших выступало фактором удержания, для современной молодежи становится фактором выталкивания. Это касается широкого спектра объективных компонентов локальной ситуации: климата, природной среды, системы образования, учреждений досуга, доступных рабочих мест, духовного климата места и т. д. Молодежь рвется из глубинки, остаются лишь немногие и только в силу веских препятствий, а не отсутствия желания. Перспектива возвращения частично допускается, но исключительно в режиме дачной или пенсионерской миграции. В итоге социальное опустынивание северной глубинки обретает черты необратимого тренда.

Локальная поколенческая ситуация сегментируется в индивидуальном измерении: один и тот же поселок и школа оказываются стартовыми площадками для самых разных биографических траекторий. Индивидуализация поколенческой ситуации идет по критериям школьных успехов, материального благосостояния и культурного уровня семьи, личных ценностных ориентаций, вкусов, притязаний.

Старшие поколения жили в ситуации, где множество факторов, переплетаясь, повышали вероятность попадания людей в жизненную колею [Ильин 2015], из которой сложно выскочить. Нынешняя молодежь прокладывает свой жизненный путь в ситуации, где колея быстро утрачивает свою былую предписываемую траекторией силу, и жизненный путь погружается в контекст «текучей современности» [Бауман 2008]. По этой причине все более возможной и популярной становится стратегия социального серфинга, то есть горизонтального скольжения по социальному пространству [Ильин 2017; Ильин 2019б].

Список источников

- 30 фактов о современной молодежи (2017) // Сбербанк России // https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/youth_presentation.pdf, дата обращения 12.02.2022.
- Бауман З. (2008) Текучая современность. СПб.: Питер.
- Дубин Б.В. (2002) Поколение: социологические границы понятия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2 (58). С. 11–15 // <https://ecsocman.hse.ru/data/534/984/1219/03dubin-11-15.pdf>, дата обращения 12.02.2022.
- Ильин В.И. (2010) Российская глубинка в социальной структуре России // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 13. № 4. С. 25–47 // https://ecsocman.hse.ru/data/2011/11/14/1270181201/Ilyin_Glubinka_2010_4.pdf, дата обращения 12.02.2022.
- Ильин В.И. (2012) Глубинка как социологическая категория // Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие». С. 8674–8682 // <https://www.fnisc.ru/files/File/congress2012/part75.pdf>, дата обращения 12.02.2022.

- Ильин В.И. (2015) Профессия как индивидуальная жизненная колея: концептуализация категории // Журнал исследований социальной политики. Т. 13. № 4. С. 515–526 // <https://jsps.hse.ru/article/view/3297/2865>, дата обращения 12.02.2022.
- Ильин В.И. (2017) Жизненная колея и социальный серфинг как модели социальной мобильности // Socio Time / Социальное время. № 2. С. 66–81.
- Ильин В.И. (2019а) Старый Русский Север как пространство жизненных шансов: история и современность // Журнал фронтальных исследований. № 4.2. С. 310–330. DOI: 10.24411/2500-0225-2019-10038
- Ильин В.И. (2019б) Социальный серфинг как модель молодежного образа жизни // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1. С. 28–48. DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.02
- Ильин В.И. (2020) Человек на старом Русском Севере: между свободой воли и структурным принуждением (исторический очерк в терминах экзистенциальной социологии) // Мир России. Т. 29. № 3. С. 6–27. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-3-6-27
- Левада Ю.А. (2001) Поколения XX века: возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5. С. 7–14 // <https://cyberleninka.ru/article/n/pokoleniya-xx-veka-vozmozhnosti-issledovaniya/viewer>, дата обращения 12.02.2022.
- Левин К. (2000) Теория поля в социальных науках. СПб.: Сенсор.
- Мангейм К. (2000) Очерки социологии знания: Проблема поколений – состязательность – экономические амбиции. М.: ИНИОН РАН.
- Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. (2013) Отходники. М.: Новый хронограф.
- Радаев В. (2019) Миллениалы. Как меняется российское общество. М.: ВШЭ.
- Росс Л., Нисбетт Р.Е. (1999) Человек и ситуация: Уроки социальной психологии. М.: Аспект-пресс.
- Семенова В.В. (2001) Дифференциация и консолидация поколений // Ядов В.А. (ред.) Россия: трансформирующееся общество. М.: КАНОН-пресс-Ц. С. 256–271.
- Семенова В.В. (2005) Современные концептуальные и эмпирические подходы к понятию «поколение» // Левада Ю.А., Шанин Т. (ред.) Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России. М.: Новое литературное обозрение. С. 213–234.
- Фохт Е., Арнольд Х. (2018) Поколение Путина // BBC. 12 марта 2018 // https://www.bbc.com/russian/resources/idt-sh/russian_generation_P, дата обращения 12.02.2022.
- Cohen Ph.N. (б/г) Open Letter to the Pew Research Center on Generation Labels // https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSecsM1JavYMINI-XIKDYngFKsEFBGFs_imv7R5KO8e15NYeCg/viewform, дата обращения 12.02.2022.
- Dimock M. (2019) Defining Generations: Where Millennials end and Generation Z begins // Pew Research Center, January 19, 2019 // <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/01/17/where-millennials-end-and-generation-z-begins/>, дата обращения 12.02.2022.
- Duffy B. (2021) The Generation Myth: Why When You're Born Matters Less Than You Think, Basic Books.
- Edmunds J., Turner B. (2002) Generations, Culture and Society, Buckingham, Philadelphia: Open University Press.
- Elliatt H. (2019) Putin Generation: Russia's Loyal Youth? // CNBC, August 13, 2019 // <https://www.cnbc.com/putin-generation-russias-loyal-youth/>, дата обращения 12.02.2022.
- Everett S.L. (1966) A Theory of Migration // Demography, vol. 3, no 1, pp. 47–57.
- Foster K.R. (2013) Generation, Discourse, and Social Change, New York: Taylor & Francis Group.
- Jaeger H. (1985) Generations in History: Reflections on a Controversial Concept // History and Theory, vol. 24, no 3, pp. 273–292 // <https://marcuse.faculty.history.ucsb.edu/classes/201/articles/85JaegerGenInHistHISTTHEOCR.pdf>, дата обращения 12.02.2022.
- Menand L. (2021) It's Time to Stop Talking about "Generations". From Boomers to Zoomers, the Concept Gets Social History All Wrong // The New Yorker, October 18, 2021 // <https://www.newyorker.com/magazine/2021/10/18/its-time-to-stop-talking-about-generations>, дата обращения 12.02.2022.

- Third A., Collin Ph., Walsh L., Black R. (2019) *Young People in Digital Society*, Palgrave Macmillan.
- Thomas W.I., Thomas D.S. (1928) *The Child in America: Behavior Problems and Programs*, New York, NY: A.A. Knopf.
- Volkov D. (2019) *Generation Putin: Values, Orientations and Political Participation* // Norwegian Institute of International Affairs. Working Paper No. 888, pp. 6–13.
-

Individual Generational Situation: A Biographical Study of the Northern Hinterland

V.I. ILYIN*

***Vladimir I. Ilyin** – DSc in Sociology, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg; Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russian Federation, ivi-2002@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3658-8112>

Citation: Ilyin V.I. (2022) Individual Generational Situation: A Biographical Study of the Northern Hinterland. *Mir Rossii*, vol. 31, no 4, pp. 6–32 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-4-6-32

Abstract

This article conceptualizes the notion of the generational situation. Its empirical validation is implemented by a study of the hinterland of the old Russian North. The need for such a conceptualization follows from the limitations of the notion of generation, defined as a cohort influenced by common historical events and processes. In a generational situation, a generation is just one among the many factors forming it (age, stratum, profession, gender, type of settlement, etc.). In this study, the factor of generation is identified in making a migration decision after finishing school. The study sample included current young residents of small settlements and the representatives of older generations. The respondents were invited to deliberate on their decision-making in biographical interviews. The study reveals how the generation factor largely explains the differences in the patterns of migration behavior.

Keywords: *hinterland, depopulation, life track, migration, generation, generational situation, Russian North, social surfing*

The research was conducted as part of the “Ugric project” of the Community of Professional Sociologists and was supported by the Russian National Fund, grant RNF19-18-00562 “Socio-ecological determinants of lifestyle transformation and social development of modern rural communities in depopulation conditions (in the regions of the Near North of Russia)”.

The article was published as part of the HSE University project “University Partnership”, to support publications by authors of Russian educational and scientific organizations.

The article was received in November 2021.

References

- 30 Facts about Modern Youth (2017). *SberBank*. Available at: https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/youth_presentation.pdf, accessed 12.02.2022 (in Russian).
- Bauman Z. (2008) *Liquid Modernity*, Saint Petersburg: Piter (in Russian).
- Cohen Ph.N. *Open Letter to the Pew Research Center on Generation Labels*. Available at: https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSecsM1JavYMINI-XIKDYngFKsEFBGFs_imv7R5KO8e15NYeCg/viewform, accessed 12.02.2022.
- Dimock M. (2019) Defining Generations: Where Millennials End and Generation Z Begins. *Pew Research Center*, January 19, 2019. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/01/17/where-millennials-end-and-generation-z-begins/>, accessed 12.02.2022.
- Dubin B.V. (2002) Generation: Sociological Boundaries of the Concept. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 2 (58), pp. 11–15. Available at: <https://ecsocman.hse.ru/data/534/984/1219/03dubin-11-15.pdf>, accessed 12.02.2022 (in Russian).
- Duffy B. (2021) *The Generation Myth: Why When You're Born Matters Less Than You Think*, Basic Books.
- Edmunds J., Turner B. (2002) *Generations, Culture and Society*, Buckingham, Philadelphia: Open University Press.
- Elliatt H. (2019) Putin Generation: Russia's Loyal Youth? *CNBC*, August 13, 2019. Available at: <https://www.cbc.com/putin-generation-russias-loyal-youth/>, accessed 12.02.2022.
- Everett S.L. (1966) A Theory of Migration. *Demography*, vol. 3, no 1, pp. 47–57.
- Foht E., Arnold H. (2018) Putin's Generation. *BBC*, March 12, 2018. Available at: https://www.bbc.com/russian/resources/idt-sh/russian_generation_P, accessed 12.02.2022 (in Russian)
- Foster K.R. (2013) *Generation, Discourse, and Social Change*, New York: Taylor & Francis Group.
- Jaeger H. (1985) Generations in History: Reflections on a Controversial Concept. *History and Theory*, vol. 24, no 3, pp. 273–292. Available at: <https://marcuse.faculty.history.ucsb.edu/classes/201/articles/85JaegerGenInHistHISTTHEOCrOCR.pdf>, accessed 12.02.2022.
- Ilyin V.I. (2010) The Russian Hinterland in the Social Structure of Russia. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, vol. 13, no 4, pp. 25–47. Available at: https://ecsocman.hse.ru/data/2011/11/14/1270181201/Ilyin_Glubinka_2010_4.pdf, accessed 12.02.2022 (in Russian).
- Ilyin V.I. (2012) The Hinterland as a Sociological Category. *Materials of the IV Regular All-Russian Sociological Congress "Sociology and Society: Global challenges and Regional Development"*, pp. 8674–8682. Available at: <https://www.fnisc.ru/files/File/congress2012/part75.pdf>, accessed 12.02.2022 (in Russian).
- Ilyin V.I. (2015) Profession as an Individual Life Track: Conceptualization of the Category. *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 13, no 4, pp. 515–526. Available at: <https://jsps.hse.ru/article/view/3297/2865>, accessed 12.02.2022 (in Russian).
- Ilyin V.I. (2017) Life Track and Social Surfing as Models of Social Mobility. *Socio Time*, no 2, pp. 66–81 (in Russian).
- Ilyin V.I. (2019a) The Old Russian North as a Space of Life Chances: The Past and Contemporary Period. *Journal of Frontier Studies*, no 4.2, pp. 310–330 (in Russian). DOI: 10.24411/2500-0225-2019-10038
- Ilyin V.I. (2019b) Social Surfing as a Model of Youth Lifestyle. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 1, pp. 28–48 (in Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.02
- Ilyin V. (2020) People in the Old Russian North: between Free Will and Structural Coercion (A Historical Essay in Terms of Existential Sociology). *Mir Rossii*, vol. 29, no 3, pp. 6–27 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-3-6-27

- Levada Yu.A. (2001) Generations of the 20th Century: Research Opportunities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 5, pp. 7–14. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pokoleniya-xx-veka-vozmozhnosti-issledovaniya/viewer>, accessed 12.02.2022 (in Russian).
- Levin K. (2000) *Field Theory in the Social Sciences*, Saint Petersburg: Sensor (in Russian).
- Mannheim K. (2000) *Essays on the Sociology of Knowledge: The Problem of Generations – Competitiveness – Economic Ambitions*, Moscow: INION RAN (in Russian).
- Menand L. (2021) It’s Time to Stop Talking about “Generations”. From Boomers to Zoomers, the Concept Gets Social History All Wrong. *The New Yorker*; October 18, 2021. Available at: <https://www.newyorker.com/magazine/2021/10/18/its-time-to-stop-talking-about-generations>, accessed 12.02.2022.
- Plyusnin Y.M., Zausaeva Y.D., Zhidkevich N.N., Pozanenko A.A. (2013) *Shift Workers*, Moscow: Novyj Khronograf (in Russian).
- Radaev V. (2019) *Millennials. How Russian Society Is Changing*, Moscow: HSE (in Russian).
- Ross L., Nisbett R. (2000) *The Person and the Situation*, Moscow: Aspekt-Press (in Russian).
- Semenova V.V. (2001) Differentiation and Consolidation of Generations. *Russia: A Transforming Society* (ed. Yadov V.A.), Moscow: KANON-press-C, pp. 256–271 (in Russian).
- Semenova V.V. (2005) Modern Conceptual and Empirical Approaches to the Concept of “Generation”. *Fathers and Children. Generational Analysis of Modern Russia* (eds. Levada Yu.A., Shanin T.), Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 213–234 (in Russian).
- Third A., Collin Ph., Walsh L., Black R. (2019) *Young People in Digital Society*, Palgrave Macmillan.
- Thomas W.I., Thomas D.S. (1928) *The Child in America: Behavior Problems and Programs*, New York, NY: A.A. Knopf.
- Volkov D. (2019) Generation Putin: Values, Orientations and Political Participation. *Norwegian Institute of International Affairs*. Working Paper No. 888, pp. 6–13.